

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДР БУТЛЕР.

ГЛЭДИС, его жена.

КАРОЛА, сестра Глэдис.

БЕРНГАРД БРЕНД'АМУР.

ГОННИ.

ГРЕТОР.

ТОННИ ГРЕТОР } родители Глэдис.

ЯВАНЕЦ.

АНТОН, слуга.

ВРЕМЯ—НАСТОЯЩЕЕ.

МЕСТО—в имении АЛЕКСАНДРА и ГЛЭДИС в МАРКО.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Имение Александра и Глэдис. 3 часа дня, яркий солнечный день. Действие происходит на коротко подстриженном лугу перед домом. Дом, белая сторона которого видна на заднем плане, построенный во вкусе Маркского двора 18 века, имеет два этажа, длинный, узкий, с черепичной крышей в старо-французском вкусе. Двери в стиле „барокко“, окна с ярко-зелеными ставнями. На площадке перед домом стоит стол, уставленный кофе и разными напитками, по-английски. За домом виднеются высокие сосны.

Глэдис—сидит с сестрой и матерью за столом. Пьет кофе маленькими глотками. Говорит все время в проницательном тоне. Очаровательная молодая женщина. Прекрасно сложена, благодаря спорту, танцам и массажу. Цвет лица английской белизны и чистоты с оттенком анемичности. Прерафаэлистические черты. Тем большее впечатление производят при такой англазированной внешности циничные и смелые выражения, которые с берлинским бесстыдством она произносит, не меняя выражения лица, как фиалки, невинных и невыразительных глаз.

Карола—младшая сестра Глэдис, красивая, полнокровная, широкоплечая девушка с мальчишеской повадкой, иногда подражает манерам своей сестры. Впрочем, человек, который своей самостоятельностью старается внушить женщинам отвращение, а мужчинам—страх.

Тони Гретор.—Когда увяла ее красота и ее муж сделался женоненавистником, ударилась в мистику. Пренебрежительная вежливость ее дочерей по отношению к ней и антифеминизм ее мужа сделали ее смиренной женщиной. Лицо выражает смирение, а глаза—внутреннюю гармонию со всем миром. Все это придает ей опечаленно-глупое выражение. Всех чужих людей она находит очень симпатичными, потому что они, благодаря высокому положению ее мужа, относятся к ней с почтением, которого ей недостает в семье.

Тайный советник Гретор.—Маленький человек с холерическим темпераментом и сварливым выражением лица. При каждой фразе привык бросать косою взгляд на жену, даже тогда, когда ее нет. Так как всю жизнь имел только деловые успехи, то вид у него желчный.

Яванец.—Подозрительной расовой помеси. У него вид человека, только вчера явившегося на свет и не могущего понять, как удобнее ходить—на руках или на ногах. В те минуты, когда он вспоминает о своей цивилизованности, он пожирает своими плотоядными глазами Каролу.

Гонни.—Великолепно, атлетически сложенный юноша полуприкрыт яркими одеждами. Например, в I-м действии—он в кожаных брюках без чулок, в яркой тонкой рубашке без галстука, на спине великолепный оранжевый свитер, рука которого завязана вокруг шеи. Грубости, которыми он постоянно сыплет, прощаются ему только потому, что он произносит их с лицом, излучающим любовь к человечеству, как будто ему хочется прижать к груди того, кому он бросает в лицо эти дерзости.

Александр.—В нем сразу виден загадочный характер. Следы двадцатилетней праздности и постоянного богатства придают его лицу нечто мучительно-трагическое. Высокая мальчишеская фигура, в небрежном, но элегантном платье, лицо сморщенное или мечтательное, короткие волосы ежиком и вдруг по-птичьи испуганные глаза—все это напоминает Рыцаря Печального Образа. Он так же любит спорт, как Дон-Кихот рыцарские упражнения. Но не нужно думать, что он тренированный идиот. Это—романтический спортсмен со сложной душой. Обычно разговаривает, опустив глаза в землю, не глядя на собеседника. Обдумывая свои слова с видом человека, затравленного умствованиями. Или стоит на одном месте, как тонконогий жилистый конь под дождем, погруженный в молчаливую меланхолию. Занкается, но не вследствие органического недостатка, а оттого, что темп его мысли быстрее темпа его речи, тогда случается, что он приходит в наводящее ужас возбужденное состояние идеалиста и передового человека. В этих случаях он так же общественно опасен, как его родственник из Ла-Манчи.

Бернгард Бренд'Амур.—Лицо бульдога, нежные руки и маленькие ноги. Бычий затылок, почти квадратное тело, цвет лица румяный, здоровый. Во всех отношениях представитель духа немецкого сценического искусства. Одет чрезвычайно элегантно, почти как все актеры. Носит монокль на шнурке. Часто нечаянно впадает в актерский тон,

но не в мённингеровский, а в реалистический, как только замечает это, придает своему голосу и всему существу натуральный оттенок. Манеры человека, которого двадцать лет безгранично прославляли и который делает вид, что не придает этому никакого значения, но охраняет свое собственное достоинство. Как только вступает на сцену, тонкому наблюдателю делается заметно, что все в нем полно нетерпения, высокомерия и пренебрежения к Гонии.

ЯВЛЕНИЕ I-е.

Тонни Гретор (вяжет шаль). Как здесь шумно!.. Дитя мое, я всегда находила, что здесь, в Эрбстфельде, очень шумно.

Глэдис (Кароле). В других имениях так же скучно, как здесь?

Карола. Да, женщины воображают, что веселятся, а мужчины зеленеют от скуки.

Тонни Гретор. Я всегда говорю, дети мои, что на дачу, так же, как и в общество, надо с собой приносить свой собственный внутренний фонд.

Глэдис. Что это такое внутренний фонд, мама?

Т. Гретор. Это то, что думает милый Рёскин, когда говорит: „Душевный свет должен сиять, как зерно сквозь скорлупу“.

Карола. Я стараюсь изо всех сил, чтобы мое зерно сияло сквозь скорлупу. И все-таки Яванец заявляет, что он на мне не женится.

Глэдис. Ты ему сколько раз делала предложения?

Карола. Я три раза серьезно просила его руки.

Т. Гретор. Когда я была молода, в Тильзите жила девушка, которая постоянно делала пред-

ложения... или она всегда вышивала?.. Не помню, но это было предоброе создание. Все-таки это нехорошо, мужчинам это не нравится.

Карола. У этих мерзавцев надо вырывать свои права, как кость у собаки.

Глэдис. Ну, эти права, т. е. кости, все равно никуда не годятся. Слишком долго их мужчины гложут.

Карола. И в конце концов оставляют нас без прав,

Т. Гретор. О чем вы только всегда говорите! Скажи, дочь моя, почему этот милый, добрый Бренд. Амур так долго не появляется в Эрбстфельде?

Глэдис. Потому что он меня ревнует к Гонни. Впрочем, он звонил по телефону, что сегодня будет здесь.

Т. Гретор. Скажи, пожалуйста, милая дочь моя, какое собственно призвание у того симпатичного молодого человека, который уж так давно у нас гостит?

Глэдис. Этот симпатичный молодой человек — поэт и страстно влюблен в меня. (Бросает косой взгляд на Каролу.) Я отвечаю ему взаимностью. Мой муж мне это разрешает. А я люблю поэтов. Они все так чувственны.

Т. Гретор. Гете тоже был чувственный... или он любил кататься на коньках? не помню.

ЯВЛЕНИЕ II-е.

Советник Гретор, Гонни, Яванец наискось проходят через луг к дамам. Курят.

Гретор. Не мешало бы этот обычай расставаться с дамами после обеда ввести также и на завтрак.

Глэдис. И это было бы естественно, папочка, вспомни, Ева сейчас же удалилась, как только отдала Адаму яблоко.

Гретор. Да потому что она сразу заметила, что ее муж обнажился.

Карола. (Яванцу.) Пойдемте в парк, мой друг. Мы можем пофлиртовать еще по крайней мере с полчаса. А потом вам надо в постельку.

Гонни (как собачка, валяется на полу, не разобравшись, у ног ли Каролы или Глэдис.) Я думаю, ему надо раньше в постельку, а потом флиртовать.

Карола (глядя через плечо.) Вы скверно воспитаны, мой друг. (Очень любовно к Яванцу.) Пойдемте на пчельник. Ваши глаза напоминают мне пчел.

Яванец (сияет.) Правда?.. Они так сладки?..

Карола. Нет, они жалят. Ну... хотите?

Яванец. Я не знаю, чего я хочу.

Карола. У нас у всех такое впечатление.

Яванец (нерешительно.) Мне хотелось бы жениться на англичанке.

Гонни. Рекомендую вам жениться на такой англичанке, как Карола. На континенте знатоки платят за копию на пару тысяч фунтов больше, чем за оригинал.

Яванец. Я не знаю, может быть, я вернусь в Индию.

Карола. Я нахожу, что такие планы придают вам необыкновенную прелесть.

Яванец (сияет.) Да... прелесть. Я только еще не решил.

Карола. Я люблю нерешительных мужчин... Это создает богатейшие темы для разговоров между супругами. Посмотрите, пожалуйста, на папа. Он всегда знает, чего хочет. То же самое и мама. И им не о чем говорить друг с другом.

Гретор (смотрит в газету.) Это верно, дитя мое. После тридцатилетней супружеской жизни великое молчание раздражается над вами, как адский шум.

Т. Гретор (обиженно). Я не нахожу, дорогой Уде, чтобы мы так много говорили, как ты это утверждаешь.

Карола. Однажды днем я видела, как папа с мамой гуляют по аллее. Я никогда не думала, что можно так молчать. Я заплакала.

Т. Гретор. Тебе бы надо почитать Уайльда Трайна, дитя мое; он говорит, что в этом мире надо сохранять веру в добро, истину и красоту.

Гонни. Я полагаю, что в этом мире надо сохранять только свою ренту и хорошее расположение духа.

Карола (показывая на Александра, который входит с отсутствующим лицом.) Посмотрите на моего шурина. Когда он женился на папиной дочке, он потерял только одно.

Глэдис (вздыхает, бросая косой взгляд на Александра.) К сожалению, не ренту...

Александр (встряхиваясь.) Как... что... Я задумался... О чем вы говорите? Ах, милые мои, о чем только вы постоянно говорите?

Гретор. О том, о чем всегда говорят в твоём доме: об англomanии и браке.

Гонни. Я ни в одной семье не замечал, чтобы так сдержанно высказывались о любовных планах молодых дам и так откровенно о благосостоянии своих родственников.

Гретор. Бывают семьи, где праздность так же передается по наследству, как и безденежье.

Карола. Нет надобности возражать родоначальнику, которому это должно быть превосходно известно.

Гретор (Яванцу.) Как только гости моей дочери намерены обратиться в бегство, мы кричим им вслед: „А мы только разыграли“.

Карола (уходя с Яванцем, посылает воздушный поцелуй Гретору.) А мы только поддразнили.

Т. Гретор. Я всегда радуюсь, что мало понимаю из того, что говорится в этих беседах.

Глэдис. Посмотрите, пожалуйста, мама, как утонченно одет этот молодой поэт.

Т. Гретор (сияюще смотрит на Гонни). О, мне это так понятно. У вас постоянная потребность привести ваше тело, этот преместный дар природы, в созвучие с праздничным круговоротом вселенной. Вы должны быть осторожнее, чтобы не заболеть катарром желудка, не правда ли?..

Глэдис и Гонни (смеются.)

Глэдис. Гонни, когда вы в следующий раз будете есть яичницу со шпротами у нас за столом, наденьте, пожалуйста, одни только трусики. Я страшно люблю мужчин в трусиках.

Александр. Гонни, я иногда думаю, есть ли у вас стыд? Это типично баварская черта выставять себя напоказ. (Ему вдруг стыдно становится своей несдержанности, и он по детски—мило продолжает.) Я хочу сказать, что если Глэдис ничего не имеет против, и если это укрепляет ваше преместное тело...

Гонни. Но, позвольте, Александр, я нахожу, что мои костюмы придают мне большое очарование... Впрочем, я все еще под впечатлением нашего разговора.

Александр (нервно поглаживает свои волосы.) Я развивал перед ним свои идеи, Глэдис.

Глэдис. Удивительно, что жена так редко бывает при том, когда ее муж развивает свои идеи.

Гретор. Потому что, это, большей частью, идеи неприличные.

Глэдис. Я уже больше не верю в неприличные идеи моего мужа.

Александр (с беспокойным взглядом). Я высказывал свое новое убеждение, к которому я

пришел после долгих часов ночных размышлений, что в некоторых обстоятельствах муж должен отказаться от своей жены.

Гонни. Ваш муж утверждает, что через сто лет не будет существовать моногамии.

Глэдис. Это неприлично в присутствии дам говорить о летах, тем более, о сотне лет.

Гретор. Этого незачем говорить, потому что и без того уже не существует этой моногамии.

Бернгард (входит.) Говорят о браке. Говорят о полигамии.

ЯВЛЕНИЕ III-е.

Александр (приходит в бессмысленное и несколько истерическое возбуждение и радость при виде Бернгарда). Нет, подумайте, Бернгард... (Тронут.) Посмотри, Глэдис, Бернгард! Наконец, наконец, три недели жду тебя со дня на день. Посмотри, Глэдис, как хорошо!

Бернгард (здороваясь со всеми.) Дорогой, милый Александр, я намерен был приехать вчера, но не мог. До одиннадцати часов публика аплодировала и вызывала меня. Когда показался автор, его освистали. Здравствуйте, глубокоуважаемый г. Советник. Читаете газету?

Гретор. Все мое честолюбие в газете.

Бернгард. Прочтите, пожалуйста, что пишут обо мне.

Гретор. Я не могу опуститься до чтения того, что пишут о вас. Артисты, женщины и низшие классы мне несимпатичны.

Бернгард. Я так и знал, что вы скажете мне какую-нибудь любезность, когда увидел вас за газетой. (Пожимают друг другу руки.)